

Н. Гоголь

Письма 1836–1841 годов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Письма 1836–1841 годов / Н. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2021. –
330 с.

ISBN 978-5-4241-1526-4

ISBN 978-5-4241-1526-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.В. Гоголь, 2021

Николай Васильевич Гоголь
ПИСЬМА 1836–1841 ГОДОВ

М. П. ПОГОДИНУ

18 января 1836. СПб

Э, брат! ты совсем позабыл меня. Я ждал от тебя письма на мое письмо, да и перестал ждать. Извини, что до сих пор не посылаю тебе комедию. Она совсем готова была и переписана, но я должен непременно, как увидел теперь, переделать несколько явлений. Это не замедлится, потому что я во всяком случае решился непременно дать ее на светлый праздник. К посту она будет совсем готова, и за пост актеры успеют разучить совершенно свои роли. Да скажи, пожалуйста, ты меня не уведомил, как распорядился с посланными к тебе еще в мае месяце 90 экземплярами «Миргорода». Если они не проданы еще и если тебе нужны взятые мною 500 руб., то я постараюсь прислать тебе, потому что я должен получить кое-что за комедию. Да сделай милость, пришли мне моего «Носа». Мне теперь он до крайности нужен. Я хочу его немного переделать и поместить в небольшое собрание, которое готовлю издать. Благодарю тебя много за твои подарки: Самозванца, Русскую Историю и Лекции по Герену.

Самозванец мне очень нравится. Он не движется на сценической интриге, но тем не менее составляет полную, исполненную правды, стало быть историческую и поэтическую картину. История твоя составляет замечательное явление, но в ней есть следующий недостаток. Она больше похожа на сочинение, назначенное быть темой для профессора университета, а не для гимназического курса. В ней слишком сжато, даже, может быть, много уложено в тесные рамки. Притом в ней, мне кажется, необходимо было бы тебе именно развить тот эскиз, который ты поместил в Наблюдателе. Он мне очень нравится. Это до самого Петра чрезвычайно полное изложение, ясное, исполненное дальновидного верного вывода. Верно, ты эскиз свой писал уже после. Впрочем, во всяком случае твоя «История» останется лучшею, и я буду очень рад, если она введется во всеобщее употребление и изгонит [Далее было: бесчисленные] беспрестанно перевирающиеся записки, составленные вначале бог знаем кем, не поверенные умом и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видеть. Мне бы хотелось потолковать с тобою о весьма многом.

Да кстати об истории! Мне наговорили, что детская история Полевого хорошее сочинение. Я взял ее в руки, но увидел, что яблоко от яблони не далеко падает. К счастью, я получил твою и отвел немного души.

Прощай! не можешь ли ты чего-нибудь мне выкопать о славянах? Сделай милость. Может быть, ты составил какие-нибудь выписки из разного сору и особенно что-нибудь о Галиции древней и новой. Нет ли где какого-нибудь описания обрядов, обычаев их и проч.?

Прощай. Целую тебя несколько раз. Хотелось бы мне очень побывать теперь в Москве, да не знаю, удастся ли прежде лета.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

С.-Петербург. Февраля 10, 1836

Я получил ваши письма оба, но медлил отвечать на них, потому что ожидал ответа князя Репнина по делу Павла Осиповича, который, к сожалению, заключает в себе отказ.

Намерение ваше заложить в приказ я одобряю. Дай бог, чтобы это помогло вам быть спокойнее и дало возможность управляться успешнее с хозяйскими делами. Вы напрасно только на меня имели неудовольствие, как я видел из первого письма вашего; тоже еще напраснее принимаете вы на чистые деньги слова, сказанные мною Татьяне Ивановне или кому другому. Разве вы не видите, что я шутил? Я одному говорил, когда меня спрашивали, скоро ли я буду, что я буду через пять лет, другому — через десять. Вам я сказал ближе всего к тогдашним моим мыслям; потому что я действительно думал тогда через два года приехать опять в Васильевку на неделю и через год на три месяца, воротившись из-за границы. Я к вам пишу, выпроводивши масленицу, которая была здесь не так шумна, потому что смущена была несчастным приключением. Во время представления сгорел балаган со всеми зрителями, из которых едва половину могли спасти. Это много помешало всеобщей веселости, которая всегда бывает в это время. Сестры здоровы; учатся, как говорят, очень недурно. Аннет приготовляет вам какой-то большой подарок.

Прощайте, бесценная маминька! сообщите поклон мой всем родным и знакомым нашим.

Ваш покорный сын Николай.

Н. Д. БЕЛОЗЕРСКОМУ

21 февраля 1836. СПб

Мы с вами, Николай Данилович, кажется, решились вовсе прекратить всякие сношения и переписку. Бог знает, кто из нас виноват. Может быть, мне прежде следовало писать к вам. Но во всяком случае нужно той и другой стороне подобную ошибку всегда поправлять, — тем более, что между нами, как между людьми вовсе нечиновными и нечиняющимися, слово поздно не имеет в себе никакого неприличия и доказывает только благородну<ю> нашу наклонность к лени.

Прежде всего, каково здоровье ваше? потом, как ваши обстоятельства? О втором вопросе я интересуюсь потому, <что> здесь пронеслись слухи, которые я желал бы со всем участием моего сердца, чтобы были ложны. Говорят, что ваш дом сгорел. Мне очень неприятно было слышать об этом, зная, как вам дорого отцовское гнездо ваше. Вы, сделайте милость, известите меня об этом. Еще занесли для меня другие вести, также очень, очень неприятные для меня, будто бы сгорел Нежинский лицей. Признаюсь, это так меня огорчило, как не огорчило бы известие о сгоревшем моем собственном отцовском доме. И когда я вспомнил, как безжалостно поступила со мною судьба, или, может, какое-нибудь предопределение, или, может быть, я сам, — но не тот я, который я есть во глубине души моей, но я, раздосадованный, дорожный, рассерженный станционными зрителями, — то, признаюсь, невыразимый упрек кипит во мне. И, как нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно из тех самых, которые принадлежат невозвратной нашей юности. Я и у вас был после того смутен и не с такой ясностью вас встретил. Вы уведомите меня поскорее; может быть, это неправда, и страшный леманский пожар породил всю эту длинную историю пожаров только на словах.

Известите о том, что нового в наших сторонах. Наши все ведут себя довольно хорошо и не переменялись ни в чем. Божко решился, наконец, совершенно углубиться в бездну мудрости и солидной, аккуратной жизни. Всё просит читать книг и хотя еще ничего не прочитал, но со временем успеет. Карт совершенно не берет в руки; только два раза, когда я зашел к нему, он пунтировал, но и то проиграл не больше, как рублей четыреста. Шаржинский, как вам известно, навостряет лыжи в Радзивилов почтмейстером и, вероятно, скоро удерет оттуда опять в Петербург, если только какая-нибудь полька не сядет верхом на его синие очки. Романович женился на одной вдове, вояжировавшей в Италию, из которой может выйти четыре Романовича и которая едва ли не старше еще и его летами. Симонский по-прежнему обыкновенно решительно недоволен всем. Данилевский вам кланяется; Прокопович тоже; нижеподписавшийся тоже.

Собираюсь ставить на здешний театр комедию. Пожелайте, дабы была удовлетворительнее сыграна, что, как вы сами знаете, несколько трудно при наших актерах. Да кстати: есть в одной кочующей труппе Штейна, под дирекцию Млотковского, один актер, по имени Соленик. Не имеете ли вы каких-нибудь о нем известий? и, если вам случится встретить его где-нибудь, нельзя ли как-нибудь уговорить его ехать сюда? Скажите ему, что мы все будем стараться о нем. Данилевский видел его в Лубнах и был в восхищении. Решительно комический талант! Если же вам не удастся видеть его, то, может быть, вы получите какое-

нибудь известие о месте пребывания его и куда адресовать к нему.

Прощайте, мой почтенный Николай Данилович! Обнимаю вас и прошу не забывать меня.

Ваш Н. Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ

21 февраля 1836. СПб

Никак не могу разрешить причины твоего молчания. Два письма я писал к тебе, и ни на одно ответа. Жив ли ты, здоров ли ты, что делаешь — я решительно ничего не знаю. Конечно, между нами, людьми пишущими, леность извинительна, но всё же нужно знать меру. Грех тебе, право, грех! Загладь хоть теперь его и напиши строчку.

Я теперь занят постановкою комедии. Не посылаю тебе экземпляра потому, что беспрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве. Не можешь ли прислать мне каталога книг, приобретенных тобою и не приобретенных относительно славянщины, истории и литературы — очень обяжешь — и, если можно, в двух-трех словах означить достоинство каждой и в каком отношении может быть полезна.

Новостей особенных здесь никаких. О журнале Пушкина, без сомнения, уже знаешь. Мне известно только то, что будет много хороших статей, потому что Жуковский, князь Вяземский и Одоевский приняли живое участие. Впрочем, узнаешь подробнее о нем от него самого, потому что он, кажется, на днях едет к вам в Москву.

Прощай! Хоть что-нибудь напиши. Авось-либо это письмо мое будет счастливее других и дождется ответа.

Твой Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

СПб. 22 февраля 1836

Письмо ваше я получил. Рад, если вы точно избавились от хлопот взятием денег из ломбарда; и душевно желаю, чтобы не случилось так, как в первый раз, когда вы должны были всякий раз занимать, чтобы уплачивать проценты, что было несколько похоже на человека, отрезающего себе фалды с тем, чтобы заплапать локти. В хозяйстве и желание и ревность не значат столько, сколько аккуратность и порядок: они одни только могут помочь свести концы с концами, и потому прежде всего пришлите мне небольшой счет, из которого бы я мог видеть, сколько кому назначено и уплачено вами, сколько осталось и на что намерены вы употребить их. Это будет очень полезно и для вас самих, потому что вы, сделав такой счет, можете яснее видеть, как поступить.

Еще: я не знаю, хорошо ли вы сделали, что решились остаться без управителя. Не обманываете ли вы сами себя в этом случае? Вам даже при управителе было очень трудно, управляться без управителя еще труднее, это естественно. Я опасаюсь за вас: множество хлопот могут еще более увеличить вашу рассеянность и расстроить спокойствие ваше, для нас драгоценное. Сообразите все это и подумайте. Желаю вам во всем успехов и удачи, остаюсь

ваш послушный сын Николай.

Поклон Павлу Осиповичу, Катерине Ивановне, Олинке и всем родным и знакомым. А сестре Марии, которую при сем случае обнимаю заочно, скажите, что я ничего не мог успеть по ее просьбе, о чем я известил Павла Осиповича особенным письмом. Я заклился о чем-нибудь просить после этого случая, и при этом случае я только подтвердил старую свою истину, которой я всегда следовал, что человек должен возлагать надежду только на бога и на себя. Я никогда для себя не просил и только для Павла Осиповича решился нарушить это правило.

Прощайте! Известите, как вы проводите время? с кем больше видите? и проч. и проч.

А. С. ПУШКИНУ

<2 марта 1836. Петербург.>

Посылаю вам Утро чиновника. Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее <взять> в Цензурный комитет вместе с Коляскою, ибо завтра утром заседание. Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое из остающегося у меня хвоста. Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе.

Н. Гоголь.

С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

<17 апреля 1836. Петербург.>

Высокорослый и аппетитный для дам Соболевский!

Вашего поручения вполне исполнить я не мог, потому что вы изволили дать знать мне очень поздно. Мне очень жаль, что [Начато: я] для Карамзиных не достало ложи. Что же касается до кресел, то я могу достать около пяти и оставляю их для тех, которым вы прочтите их.

Вам преданный Н. Гоголь.

Впрочем, скажите Карамзиным, что если им угодно на второе представление, на котором будет и царская фамилия, то я приготовлю билеты.